

С. Э. ЗВЕРЕВ

РУССКИЙ МАТ,
БЕССМЫСЛЕННЫЙ
И БЕСПОЩАДНЫЙ,

НА ВОЙНЕ И ВОЕННОЙ
СЛУЖБЕ

Сергей Эдуардович Зверев

Русский мат, бессмысленный и беспощадный, на войне и военной службе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67224114

*Русский мат, бессмысленный и беспощадный, на войне и военной
службе / С.Э. Зверев: Алтейя; Санкт-Петербург; 2022
ISBN 978-5-00165-393-6*

Аннотация

На фундаменте изучения героического эпоса, исторической, мемуарной, художественной литературы исследуются генезис и особенности проявления на современном этапе негативных явлений в воинском дискурсе и их влияния на служебно-боевую деятельность и характер коммуникативных процессов в армейской и флотской среде.

Уроки войн и сражений, анализ дискурсивных практик выдающихся полководцев и флотоводцев, подходов в организации речевой деятельности военнослужащих свидетельствуют, что инвективы, грубость и сквернословие несовместимы с высокими профессиональными и личностными качествами солдат, офицеров и генералов и, как следствие, с боеспособностью армии и флота.

Книга адресована широкому кругу читателей.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	7
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Зверев Русский мат, бессмысленный и беспощадный, на войне и военной службе

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Е.А. Окладникова*
(Российский государственный педагогический универси-
тет)

доктор социологических наук, доцент *Ю. В. Верминенко*
(Российский государственный педагогический универси-
тет)

©biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Ме-
диа» в российских и международных сервисах книгоизда-
тельской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной пала-
те РФ

© С.Э. Зверев, 2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

Введение

Этика воинского дискурса регулируется положением современного устава: «Военнослужащие должны постоянно служить примером высокой культуры, скромности и выдержанности, свято блюсти воинскую честь, защищать свое достоинство и уважать достоинство других»¹. Однако в речевой практике наблюдаются массовые нарушения данного уставного требования, выражающиеся в широком распространении в воинском дискурсе грубости, брани и, в особенности, матерщины.

В языке, наверно, нет явления, менее отвечающего требованиям культуры, чем сквернословие. Тем не менее, явление это занимает прочные позиции в современном русском воинском дискурсе, находя даже своих адептов и «теоретиков». «И мне странно читать в уставе приказ «В атаку, вперед!» – заявлял, например, генерал А.И. Лебедь. – Смеем утверждать, что в такой редакции она звучит только при проведении учебных атак. Ни разу в жизни не слышал сам, специально интересовался этим вопросом у ветеранов, и они подтвердили: да, в настоящую атаку этой сухой фразой лю-

---

¹ Указ Президента РФ от 10.11.2007 N 1495 (ред. от 22.01.2018) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных сил Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www. Consultant. ru>document/cons_doc – LAW—72806/](http://www.Consultant.ru/document/cons_doc-LAW-72806/). Дата обращения: 11.01.2018 г.

дей не поднять. **Мат является основой управления общевойсковым боем** (выделено нами. – С.З.)»². Такое откровение из уст боевого генерала ошеломляет, пожалуй, не меньше его категоричности.

К глубокому сожалению, матерщина настолько укоренилась в воинском дискурсе, что современные курсанты, например, полагают, что великий Суворов матерился, в чем на полном серьезе даже пытаются убеждать преподавателей. Матерное «кредо» будущих офицеров незыблемо, – а как иначе руководить личным составом? Конечно, если бы молодые люди всерьез изучали военную историю, им было бы известно, что в обширном суворовском эпистолярном наследии (около 2000 документов) встречается только одно «выражение»: «... не должно ничего моего при ней остаться, ни людей, ни лошадей, ни экипажей, но моего серебра, ни иного чего, а только еще парочка бл...дунов, Кузьма и Ульяна (дворовые люди. – С.З.)», – до глубины души уязвленный истинной или мнимой изменой жены полководец наставлял своего доверенного человека, как обеспечивать раздел имущества. Согласимся, скорее смешно, нежели грубо или оскорбительно. И уж точно не на службе.

В наше время меры борьбы со сквернословием начальством принимаются спорадически; они сводятся, как правило, к представлению оптимистических докладов по коман-

---

² Лебедь А.И. За державу обидно. М.: Редакция газеты «Московская правда», 1995. С. 307.

де, что мат в подразделении, части или вузе изжит. Автор этих строк был свидетелем, как два курсанта одной военной академии, опаздывающих на занятия, обсуждали эту проблему с таким жаром и в таких забористых выражениях, что случайным свидетелям впору было затыкать уши. Скрытый юмор ситуации заключался в том, что буквально накануне воспитательный отдел академии окончательно отчитался перед главкоматом, что в славном военном образовательном учреждении мата нет. Курьезно, но факт, что от мата здесь избавлялись планово, пофакультетно, еженедельно добросовестно оповещая о ходе борьбы за чистоту языка курсантов и офицеров Москву. Происходило это в тот памятный период нашей истории, когда выражение «вежливые люди» на короткое время вдруг стало необыкновенно популярным, и высшее начальство попыталось было закрепить достигнутый успех в массах служилого люда. Мы специально не приводим здесь названия академии, чтобы, несколько перефразируя цитату из популярного кинофильма, не быть несправедливым к другим академиям, где могла произойти точно такая же история.

Как тут не вспомнить горькие слова морского министра России адмирала И.А. Шестакова: «Дорого достается России всякое улучшение, медленно подвигается она к усовершенствованию! Потребовалось... великое национальное унижение (адмирал имел в виду Восточную войну (1853–1856) – С.З.), чтобы она додумалась до аксиомы, на которой зиждет-

ся человеческая жизнь от начала мира; чтоб убедилась, что действия, основанные на тупой вере в традиции, несвойственны природе человека, что все, так называемые непреложные истины, служат средством тлетворным, разлагающим, если рядом нет умственной оценки причин и последствий»³. В этой книге мы как раз и попытаемся дать по возможности объективную *оценку причин и последствий* зарождения, постепенного проникновения и современного колдовращения мата в армейской и флотской среде.

Полезно попытаться взглянуть на проблему сквернословия в диахроническом аспекте с тем, чтобы проанализировать отношение к ней со стороны самих военных – великих воинов и выдающихся полководцев и флотоводцев – и выяснить, насколько совместимы сквернословие в воинском дискурсе и боеспособность, ибо в конечном счете, боеспособность армии и флота есть главный критерий, определяющий ценность любых элементов воинской деятельности.

---

³ Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881). СПб.: Судостроение, 2006. С. 48.

Глава 1

Инвективы в жанре боевого вызова

Сквернословие надо отличать от почти ритуальных инвектив в адрес противника, которые находили отражение уже в эпосе многих народов. Риторика героев «Илиады», например, часто реализовалась в жанре *боевого вызова*, отголоски которого дошли и до наших дней. Функцией этого архаического жанра воинского дискурса в первую очередь была функция, как сказали бы сейчас, морально-психологического обеспечения боя, или «функция инвективы как дуэльного средства»⁴. Для этого применялся широкий спектр приемов: от восхваления собственной силы, храбрости и непобедимости до насмешки, издевательства над врагом.

---

⁴ Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. С. 112.

Илиада. Поединок Ахилла и Гектора

Когда судьба сводит в единоборстве сына Геракла грека Тлеполема и ликийца Сарпедона – двух потомков Зевса, Тлеполем, который приходится Зевсу внуком, отчаянно пытается убедить себя, что его противник Сарпедон – сын Громовержца – и трусоват, и значительно слабее его физически, а значит, несмотря на высшее положение в «божественной иерархии», должен несомненно пасть:

«Что у тебя за нужда, Сарпедон, советчик ликийцев,
Ежиться здесь и дрожать? Ничего ведь в боях ты не
смыслишь

Кто это лжет, будто сын ты эгидодержавного Зевса?
Нет, несравненно слабее мужей ты, которые раньше

На свет родились от туч собирателя Зевса-Кронида...»

[Илиада, 5, 633]

В отличие от Тлеполема Сарпедон вполне уверен в себе – его ответ краток: он просто обещает отправить противника к «конеславному богу Аиду» и вскорости сдерживает обещание.

Нередко опытные в военном деле и владевшие правилами словесных поединков герои прямо предлагали соперникам оставить оскорбительные речи и переходить к бою: «Не побегу от тебя, не в спину ты пику мне всадишь», – так мрачно отвечает на традиционный оскорбительно-насмешливый вызов Ахилла троянец Гектор.

Ритуальные оскорбления врага были свойственны не только европейской эпической традиции. Древнеиндийский эпос «Махабхарата», повествующий о грандиозной битве между племенными союзами пандавов и кауравов, также содержит многочисленные описания поединков, которым часто предшествует словесная перепалка участников. Подобно героям Гомера, перед решительной схваткой воитель кауравов Бхишма и герой пандавов Шикхандин осыпают друг друга колкими насмешками:

«Бхишма так молвил, усмехаясь: “Будешь ли ты разить или нет, ни за что не стану я с тобой сражаться. Ибо как Творец тебя создал, так и [остался] ты Шикхандини”. Выслушав эти слова его, Шикхандин, вне себя от гнева, сказал Бхишме на поле боя,

облизывая губы: “Я знаю тебя, кшатриев⁵ истребителя, о мощнорукий! Слышал я, что [обладаешь] ты божественной силой. Но и зная о силе твоей, я буду с тобой сражаться!.. Будешь ли ты разить или нет, живым ты не уйдешь от меня! Посмотри хорошенько, о Бхишма, на этот мир [в последний раз], о победоносный в боях!”»

[Бхишмапарва]

Суть насмешек Бхишмы легко понять, если учесть, что Шикхандин, по преданию, сотворен был женщиной, но впоследствии предпочел стать мужчиной, – об этом удивительном факте источник упоминает как-то туманно. Именно на данную метаморфозу намекает Бхишма, присоединяя к имени Шикхандина окончание женского рода. Заметно, что «стрела» инвективы попала в цель, и противник совершенно вышел из себя.

Герой древнеиранского эпоса «Шах-намэ» юный богатырь Сухраб также перед боем вступает в острую перепалку с воином Хаджиром, почти теми же словами, что и античные рыцари Гомера. Как Ахиллес перед схваткой с Гектором пытался подавить его волю: «Ближе иди, чтоб скорее предела ты смерти достигнул!», – так и Сухраб сулит неприятелю смерть от своей руки, что тот парирует инвективой:

«Один ты вышел, гневом распален?

---

⁵ Кшатрии – члены варны (иногда ошибочно именуемой «кастой») профессиональных воинов в Древней Индии.

На что надеешься? Куда стремишься?
Или драконьей пасти не боишься?
И кто ты, предстоящий мне в бою,
Скажи, чтоб смерть оплакивать твою?»
И отвечал ему Хаджир: «Довольно!
Сам здесь падешь ты жертвою невольной
Себе я равных в битве не встречал,
Лев от меня уходит, как шакал...
Знай – я Хаджир. О юноша незрелый,
Я отсеку главу твою от тела
И Кей-Кавусу⁶ в дар ее pošлю.
Я труп твой под копыта повалю»⁷.

[Шах-намэ]

Сюжет поэмы позволяет понять, что боевым вызовом попутно решалась еще одна задача: понять, кто стоит перед поединщиком и подобает ли скрестить с ним оружие⁸. Пока не изобрели геральдику, оставалось только расспросами убеждаться в благородстве и славе противника. Эпические герои были очень требовательны в этом смысле, для них было мало чести обагрять себя кровью простых воинов, тех просто избивали без разбора и счета. Сохранялась опасность не узнать

---

⁶ Кей-Кавус – мифический шах Ирана.

⁷ Фирдоуси. Шах-намэ [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.ModernLib.ru >books/hakim_abulkasim_firdousi/shah-....](http://www.ModernLib.ru/books/hakim_abulkasim_firdousi/shah-....) Дата обращения: 11.01.2018.

⁸ «Происхождение друг друга мы знаем, родителей знаем», – так, например, обрывает Ахилла троянский герой Эней, предлагая сразу перейти к схватке.

знакомому или родственника – такая судьба постигла, например, никогда не встречавшихся прежде Сухраба и его отца Рустама, не пожелавшего признаться молодому витязю, что он сам прославленный богатырь, чтобы не добавлять тому цены лавров и мотивации в стремлении к победе.

Эпос и литература раннего европейского Средневековья свидетельствует о сохранении в воинском дискурсе жанра боевого вызова, наполненного инвективами в адрес противников. Следует отметить, что с возникновением основных монотеистических религий вооруженное противостояние переместилось из среды профессионального воинства, родовой аристократии в широкие народные массы и ознаменовалось крайним ожесточением. Героями эпических произведений все чаще стали становиться простые люди, волею судеб взявшие в руки оружие, мстившие врагам за поругание и разорение семьи, гибель или пленение родичей и соотечественников. Соответственно, инвективы в значительной степени утратили изощренность, стали проще и грубее.

Герой византийской поэмы «Армурис» (IX в.), например, при обращении к захваченному им «языку»-арабу совершенно не стесняется в выражениях, чествуя его «вздорным сарацином» и сопровождая допрос для вящей убедительности мощной зуботычиной. Прежде чем обрушиться на вражеское войско, он в лучших традициях героической словесности представляется врагам, не забывая упомянуть их недобрым словом, самой, пожалуй, распространенной инвективой

в адрес иноверцев:

«К оружию, поганые собаки-сарацины!
Скорей наденьте панцири, скорей седлайте коней,
Не медлите, не думайте: Армурис перед вами,
Армурис, сын Армуриса, отважный ратоборец!»⁹

[Армурис]

В русских былинах неверного Калина-царя «собакой» именуют буквально через слово настолько привычно, что он и сам себя устами сказителя в разговоре с Ильей Муромцем покорно величает точно таким же образом: «Не служи-тко ты князю Владимиру, / Да служи-тко ты собаке царю Калину»¹⁰.

---

⁹ Памятники византийской литературы IX–XIV вв./ под ред. Л. А. Фрейберг. М., «Наука», 1969. С. 158.

¹⁰ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М. – Л., 1950. Т. 2. № 75.

В. Васнецов Богатыри

Русские богатыри, герои былин и сказок, в массе своей также «люди из народа», казаки-порубежники, взявшие на себя ратный труд защиты родной земли от непрошенных гостей из Великой Степи. Их речь далека от рыцарской куртуазности; даже Добрыня Никитич, известный среди прочих соратников своей вежливостью, умением с молодцом съехаться-разъехаться, «и молодцу честь воздать», так обращается к встреченному им татарину:

«Уж ты гадина, едешь, да перегадина!
Уж сорока, ты летишь, да белобокая!
Да ворона ты летишь, да пустоперая,

Пустопера ворона да позагуменью!
Не воротишь на заставу караульную!
Ты уж нас молодцов, видно, нечем считать?..»¹¹

[Застава богатырская]

После столь выразительного приветствия встреченный богатырем Сокольник задает Добрыне порядочную взбучку по мягкому месту (!); потом достается и Илье Муромцу, по законам жанра обратившемуся к поединщику с подобными же словами. Только молитва к Пречистой Божьей Матери спасает «стара казака» от неминуемой смерти. В противном случае не выручает и силушка богатырская. Например, когда явно нарушается заповедь «Не искушай Господа Бога твоего» (Мф. 4,7):

«И стали витязи похвалятися:
“Не намахалися наши могутные плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупилися наши мечи булатные!”
И говорит Алеша-попович млад:
“Подавай нам силу нездешнюю,
Мы и с тою силою, витязи, справимся!”»¹²

[С каких пор перевелись витязи на святой Руси]

По сюжету былины, богатыри, истребив несметную «си-

---

¹¹ Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904. С. 69.

¹² Песни, собранные П. В. Киреевским. СПб., 1862. Ч. 1, вып. 4. С. 113.

лу басурманскую», возгордились и молвили «слово неразумное». В ответ откуда ни возьмись явились два «воителя», которые тут же предложили семерым богатырям бой с ними держать. И сколько богатыри ни рассекали супротивников, число их только удваивалось; в итоге не спасло притомившихся-таки истреблять врагов хвастливых витязей и бегство.

Похвальба противников сказочных героев по типу «Я посажу тебя на ладонь одною рукою, прихлопну другою – костей не найдут»¹³ также всегда выступает только прелюдией к сокрушительному поражению.

Примеры свидетельствуют, что вызывающее поведение, пустое кичение силой, выражающееся в брани и насмешке, в отечественной эпической традиции неявно осуждается и обычно наказуемо. Объяснить это можно двояко.

Во-первых, русские сказки и былины иллюстрируют важное отличие победы от физического истребления, заключающееся в нравственном превосходстве победителя. Именно оно удерживает руку богатыря от удара, когда сам поверженный враг коварно просит: «Секи вдругорядь!»¹¹ И горе витязю, если он, движимый чувством мести или ненависти, попытается добить лежачего, – тот восстает с новыми силами или вместо одного воина встают два, как в приведенном примере. В этом сюжетном ходе слышен отголосок

---

¹³ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. Т. 3. С. 325.

слов апостола Павла: «...не участвуйте в бесплодных делах тьмы» (Еф. 5Д1) – не соглашайтесь ни словом, ни делом с велениями нечистой силы, дабы ни на йоту, пусть и невольно, не уподобиться ей.

Во-вторых, русское воинство вынуждено было веками вести борьбу на *своей* территории, противостоя многочисленным, сильным и агрессивным соседям, природным, в силу своего образа жизни, воинам-кочевникам. Монголо-татарское нашествие привело фактически к полному уничтожению профессионального княжеского войска. Моральный урон, который претерпело русское воинское сословие, оказавшееся неспособным выполнить свой долг, – защитить народ от захватчиков – оказался сильнее физических потерь. Русская воинская эмблематика так и не выросла в геральдику, а жанр воинской повести в литературе оказался насквозь проникнутым духом жертвенности, чуждым всякой земной суеты. В свете высшей жертвы, которую может принести человек «за други своя» все зримое, осязаемое, плотяное не казалось существенным: сила и воинское умение не спасали – даже самого могучего русского былинного богатыря выручает то молитва, то крест, удачно оказавшийся на пути вражеского копья.¹⁴

В совершенно других условиях происходило формирование менталитета западного рыцарства – в ходе преимущественно завоевательных походов, носивших нередко откоро-

---

¹⁴ Там же, с. 405.

венно грабительский характер. Даже возвышенные цели Реконкисты¹⁵ не исключали внимания к вполне земным интересам. В «Песне о моем Сиде» (XI в.), например, описание воинских подвигов благородного рыцаря Руя Диаса Кампедора (Ратоборца) сопровождается почти таким же простодушным восхищением, как и исчисление захваченного им у мавров добра.

Нравы европейцев, по крайней мере, в период раннего Средневековья были еще довольно грубы, – не стоит забывать, что христианство среди воинственных германских племен насаждалось весьма жестокими методами. Даже священники и епископат каролингской¹⁶ эпохи были скорее воинами, чем пастырями; современники удрученно отмечали, что «клир предпочитает скачки, турниры, соревнования в стрельбе из лука христианскому богослужению»¹⁷.

Отношение к прекрасному полу на первых порах было чуждо всякой куртуазии¹⁸. Храбрый Зигфрид из «Песни о нибелунгах» не стесняется поколачивать свою прекрасную жену Кримхильду за чрезмерно длинный язык. В ро-

---

¹⁵ Реконкиста (718 —1492) – период борьбы христианских народов за освобождение Пиренейского полуострова от арабов-мавров.

¹⁶ Время правления Карла Великого и его сыновей (751–987).

¹⁷ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. С. 209.

¹⁸ Куртуазия – (от фр. *courtois* – учтивый), система правил поведения при дворе или набор качеств, которыми должен обладать средневековый придворный, рыцарь. Владение собой, подчеркнутая вежливость в речах – один из признаков куртуазности.

манах артуровского цикла благородным дамам нередко грозят оскорбления и посягательство на честь от встретившихся некстати на их пути рыцарей-хищников. Высокородные аристократы из «Песни о Сиде», считая свой брак с дочерьми Сиды, навязанный им королем Испании, неравным, избивают несчастных женщин чуть не до смерти ременными плетями, колют до крови шпорами и бросают беспомощных умирать в лесу.

Возможно, поэтому в средневековой литературе постепенно начал создаваться и пропагандироваться идеал рыцаря без страха и упрека, унаследовавшего лучшие черты эпического героя: непоколебимо верного сюзерену, изысканно галантного в служении Даме, негибаемого перед лицом неприятеля, милостивого к побежденным, скромного и вежливого в общении с друзьями и врагами. «Истинный влюбленный, – наставляла, например, знаменитого французского рыцаря Жана де Сентре его дама, – склонен только к оной благороднейшей и блистательной науке – владению оружием... Его слуха не достигает ни одно грубое слово, его взора – ни один лживый взгляд; его уста не осквернены низкими речами, руки – ложными клятвами»¹⁹.

Согласно рыцарскому этикету, турнирной или смертельной схватке предшествовал письменный или устный вызов, составленный в самых изысканных выражениях. По мере

---

¹⁹ Литературные шедевры средних веков. Ростов н/Д: «Донской издательский дом», 2014. С. 826–827.

укоренения традиций куртуазности и роста самосознания рыцарства, инвективы стали рассматриваться как атрибут дискурса только неблагородных противников, как зримое свидетельство низменности побуждений, вспыльчивости и заносчивости. Как и в русском былинном эпосе, такие воинские качества не приносят победы: ни в одном рыцарском романе нельзя найти ни одного случая, чтобы неблагопристойно выразившийся рыцарь-буян и задира не был посрамлен на ристалище или на поле боя. Мало того, ими гнушались даже ближайшие родственники, не находя извинений их грубости:

«Пойми, мой сын, и посмотри:
Ты груб и холоден внутри,
Для дружбы, нежности потерян
И миловать ты не намерен,
И ненависти сдался в плен,
И потому-то мной презрен,
Навек с несчастьем обручишься.
Ты доблестью своей кичишься,
Но в нужный час и на поверку
Найдется тот, что даст ей мерку.
Достойным рыцарям не след
Кичиться доблестью побед,
Хвалиться собственной отвагой.
Все видно: худо или благо.
Для подтверждения величия

Рассчитывать на успех у дам подобные бахвалы также, конечно, не могли.

Следует заметить, что куртуазия не исключала проявления сугубо мужских качеств: твердости, доходящей до жестокости. Сдавшихся в смертельном поединке на милость победителя ждал ужасный позор и исключение из рыцарского сословия. Рука героя романа «Тирант Белый», которым, кстати, зачитывался Дон Кихот, после отказа благородного противника сдаться, не дрогнула поразить того через забрало в глаз кинжалом, сопроводив свой поступок надлежащей отповедью: «Что ж, все рыцари, желающие свершать ратные подвиги и биться как подобает, должны быть жестокими, не страшась за то даже мук адовых»²¹.

И все же после оформления на страницах романов и песней рыцарской этики, «чтобы прослыть рыцарем, – пишет итальянский исследователь истории рыцарства Ф. Кардини, – уже было мало иметь оружие, боевого коня, физическую силу, профессиональное мастерство, личную храбрость. Необходима была воля и дисциплина в следовании нравственной норме»²².

---

²⁰ Кретъен де Труа Ланселот, или рыцарь телеги. Ростов н/Д: Foundation, 2012. С. 230–231.

²¹ Мартурель Ж., Галба М. Ж. де Тирант Белый: пер. с каталанского. М.: Ладомир, Наука, 2005. С. 72.

²² Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. С. 351.

В «Песне о Роланде» (XI в.) – библии рыцарства – оскорбительные выпады исходят исключительно из уст противников франков, как например, от племянника сарацинского короля Аэльро, который перед началом битвы:

«Пред войском мавров мчит во весь опор,
Язвит французов наших бранью злой:
“Эй, трусы, ждет вас ныне смертный бой.
Вас предал ваш защитник и оплот:
Зря бросил вас в горах глупец-король.
Падет на вашу Францию позор,
А Карл²³ простится с правою рукой²⁴»²⁵.

[Песнь о Роланде]

Не было для рыцаря худших грехов, нежели трусость и предательство. Обязательства вассалов и сеньоров были взаимными, поэтому Аэльро, чтобы посеять неуверенность во франкском войске, стремится опорочить их сеньора-короля подозрением в предательстве, а воинов унижить обвинением в трусости. Злоречие, однако, сарацину не помогло, он был тут же проколот копьем славного Роланда, сопроводившего свой удар надлежащей отповедью наглецу.

Следует отметить, что помимо «рыцарской литературы»,

---

²³ Карл Великий, при котором в 877 году состоялся поход, завершившийся гибелью в Пиренеях франкского арьергарда под командованием графа Роланда.

²⁴ Т.е. с графом Роландом.

²⁵ Литература Средних веков: хрестоматия. СПб.: Амфора, 2009. С. 377.

так сказать, литературы Дон Кихота, в европейской культуре XI–XIII веков существовал эпический жанр литературы Санто Пансы, предназначенной для народа. В этом ряду выделяется жеста²⁶ о графе Гильоме Оранжском – любимом персонаже французского простонародья, в своем воображении создавшего своего рода антипод благородному сословию, нисколько, однако, последнему не уступавшего ни в доблести, ни в происхождении – если граф Роланд приходился племянником Карлу Великому, то граф Гильом стал его кузеном. В образах Роланда и Гильома Оранжского воплотилось восприятие рыцарства образованными классами Средневековья и народными массами; соответственно и в дискурсе этих персонажей наблюдается разделение между куртуазней и инвективизацией (по В.И. Жельвису).

Граф Гильом говорит сочным простонародным языком, ну а будучи выведенным из себя происками врагов, – а происходит это довольно часто, фраза «Гильом чуть не сошел с ума от злости» повторяется в тексте чуть ли не рефреном, – раздражается тирадами, наполненными грубыми инвективами, в которых не щадит, что называется, ни женщин, ни детей. Вот как честит он под горячую руку, ни много ни мало, королеву Франции, некстати встрявшую в его разговор с королем:

«По меньшей мере сто попов распутных

---

²⁶ Жеста (от фр. *chanson de geste*) – сказ о деяниях.

Свои персты в твою совали ступку,
И ты ни одного из них не шуганула,
Болтливая и злая потаскуха.
Снять голову с тебя давно пора бы —
Всю Францию покрыла ты позором.
Одно ты знаешь – у огня в покоех
Цыплят с подливкой перечною лопать,
Да задирать в своей постели теплой
Повыше и понепотребней ноги.
Грешит с тобою всяк, кому охота.
А мы беремся за мечи с зарею,
Удары получаем и наносим».

[Песни о Гильоме Оранжском]

Привилегированное сословие – священники, монахи и «харистократы, нашей Франции объедалы», по выражению Кола Брюньона, даже сам папа римский – все без исключения подвергается в речах графа Гильома уничижению и насмешке. Инвективы в их адрес немногим отличаются от тех, каковыми награждаются внешние враги-сарацины: «псы», «бездельники», «мошенники», «трусливые вонючки», «шлюхины сыны» из уст бравого графа так и сыплются. Здесь эти элементы народной смеховой культуры играют роль предохранительного клапана, через который выпускается лишний пар, – осуществляется эмоциональная разрядка, воссоздающая атмосферу бахтинского карнавала.

В исландских сагах воины-поединщики обмениваются

очень схожим набором инвектив – «щенок», «трусы», «собаки». Так, в «Саге о Гисли, сыне Кислого» (X в.) схватка между главным героем-изгнанником и преследующими его врагами начинается с такого обмена любезностями:

«Эйольв сказал Гисли:

– Мой тебе совет, больше не убегай, чтобы не приходилось гоняться за тобою, как за трусом. Ведь ты слывешь большим храбрецом. Давно мы с тобой не встречались, и хотелось бы, чтобы эта встреча была последней.

Гисли отвечает:

– Нападай же на меня, как подобает мужу, ибо я больше не побегу, и твой долг напасть на меня первым, ведь у тебя со мною больше счетов, нежели у твоих людей.

– Мне не нужно твоего позволения, – говорит Эйольв, – чтобы самому расставить людей.

– Вернее всего, – говорит Гисли, – что ты, щенок, вовсе не посмеешь помериться со мною оружием»²⁷.

[Сага о Гисли]

Эйольв, видя такую уверенность в себе Гисли, действительно не стал искушать судьбу и расставил своих людей в таком порядке, чтобы самому оказаться за их спинами; этим он сохранил свою жизнь, но не спасся от позора, ибо Гисли в одиночку уложил восьмерых из двенадцати напавших на него, снискав бессмертную славу.

---

²⁷ Корни Иггдрасиля. М.: Терра, 1997. С. 339.

Похожим образом начинается схватка между воинами Хьяльмаром и Оддом из «Саги о Хервер и Хедреке», с одной стороны, и Агантиуром и одиннадцатью его братьями-берсерками, – с другой:

«[Хьяльмар] обнажил меч и выступил против Ангантиюра, и каждый вслух послал другого в Вальхаллу... Одд позвал берсерков и сказал:

“Один на один сразимся,
кто тут не трус,
мужи проворные,
или храбрости мало?”»²⁸

[Сага о Хервер и Хейдреке]

В Вальхалле в итоге оказались берсерки во главе с Агантиуром.

---

²⁸ Там же, с. 373.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.